

В.А. Дергачев

«...В УРНУ СОБРАВ НА ЧУЖЕДАЛЬНОМ КОСТРЕ»

(к 100-летию Т.С. Пассек)

Материал этот – не воспоминания. Я не был лично знаком с Т.С. Пассек. Впрочем..., и да, и нет. Просто все очень смутно. Это – как память о пра, пра...

В том далеком-недалеком 1961 году, когда в составе отряда В.И. Маркевича мы заехали в экспедицию Т.С. Пассек (Флорешты), мне было 18. Иначе, по научным меркам, был я на уровне еще запеленованного, а Т.С. Пассек – Лауреатом и уже с мировым именем. Нас, двух юношей, не познакомили, не представили, и мы почтительно держались за калиткой (играя, разумеется, в карты). Потом, уже после службы в армии, то ли в Молдавии, то ли в Москве, она, Татьяна Сергеевна, где-то виделась, где-то слышалась. А вскоре... вскоре ее не стало... Так что вспоминать-то мне собственно нечего.

Но жизнь есть жизнь. А в науке она – особенная. Связанный с археологией, а чуть погодя и с трипольской или шире – нео-энеолитической проблематикой – образ Т.С. Пассек всегда был со мной: в моих размышлениях над ее материалами, над ее трудами; в общении с ее учениками (многих из которых уже нет); в моих стремлениях освоить тот неисчерпаемый источник, что называется научным наследием Т.С. Пассек. Наконец, как у каждого археолога, возвращенного на советских традициях 60-70-х годов, есть 15 августа – День археолога. День, в который, где бы и чем бы мы ни занимались, мы вспомним, и уверен, еще не одно поколение археологов будет вспоминать Т.С. Пассек.

Трудно, сложно мне начинать писать о Т.С. Пассек и, думаю, чувство это испытал каждый из авторов-участников этого памятного номера.

Нет слов... Трудно объять, сложно оценить. Можно было бы раскладывать на составляющие характеристики, но теряется целостное.

Многогранность, глубина и широта интересов; оригинальность, масштабность всех начи-

наний и сотворенного; настойчивость, целеустремленность и неумная энергия; принципиальность и требовательность – всегда ко всему, ко всем, начиная с себя... По отношению к Т.С. Пассек все эти определения кажутся не более, чем просто слова, слова, слова...

Судьба, Время, Природа явно были предрасположены к Т.С. Пассек, и это, похоже, было взаимно. Я не мистик, но порой у меня возникает впечатление, что не столько сама Судьба вела Т.С. Пассек к изучению ярчайших, основных древнеземледельческих цивилизаций Восточной Европы, сколько сами эти цивилизации только для того и возникли, чтобы спустя тысячелетия раскрыться, покориться таланту и обаянию Т.С. Пассек. Впрочем, какая тут мистика. Вспомним из концепций М. Хайдеггера: в серьезном, настойчивом – познающие и познаваемое всегда идут навстречу друг другу... И они – Т.С. Пассек и Триполье – явно встретились.

Стремительно, словно «вихрь электрички», ворвалась Т.С. Пассек в трипольскую проблематику. Без собственных раскопок, без предварительных публикаций... 4-5 лет сбора недокументированных, разбросанных по разным коллекциям материалов из различных раскопок, и сразу – рукопись, защита (1930), монография. Монография, да к тому же на французском языке. А ведь было то в лето 1935-го, и... на «Бориску» уже перья точили...

Лишь немногие, досконально освоившие историографию начальных этапов изучения трипольских памятников, знают, что было вначале и что означало издание этой монографии. А вначале было, по оценке самой Т.С. Пассек, ничего («*rien*» – 1935: 10). Ничего, кроме осознания чего-то необычного, значимого, яркого, привлекавшего внимание ведущих археологов того времени – и западных (Г. Чайлд, К Шухарт), да и российских (В.А. Городцов, А.А. Спицын и др.). Не было еще ни «Трипольской», ни «Кукутен-

ской» культуры, а называлось это явление «культура Хвойко», «культура площадок», «культура расписной или спиральной керамики» и пр. Неясным оставался сам характер этих площадок – «святилища», «дома мертвых». А происхождение этого феномена виделось и с Востока – Анау (А.А. Спицын), и со Средиземноморья – Микены, Домикены (Э.Р. Штерн), и с Центральной Европы – культура линейно-ленточной керамики (Г. Чайлд). Сравнивали даже с Китаем.

И вот монография Т.С. Пассек. Культура приобрела свое Имя, свое естество: оконтурились ее пространственные границы, определились основные периоды развития, зональные варианты. И все это – на базе большой-большой «кучи» материалов – рисунков (20000 фрагментов-единиц, среди которых порядка 1500 целых или почти целых сосудов – 1935: 39), при наличии данных о всего лишь 2-3 многослойных, стратифицированных памятниках. И все это благодаря чему? Благодаря формализованному анализу «стилистических» групп и их сочетаниям.

В начале 70-х гг., будучи студентом ЛГУ и уже увлекшись Триполем, осваивая формально-типологические методы, я был поражен этой работой Т.С. Пассек. Это искусство: и чутье, и интуиция, и логика, и прозорливость... Для 20-30-х годов советской археологии известны многие работы, основанные на формальных методах. Но одно дело – применение этого метода к отдельным ограниченным материалам и категориям, и другое – в целом ко всей культуре, да еще с таким эффектом,¹ ибо, как известно, выработанная тогда схема периодизации Триполья впоследствии претерпела весьма незначительные модификации. Между тем, не будем забывать о времени: «формализм» вскоре не только будет осужден, но и наказан, чтобы снова вернуться в науку лишь спустя 20-30 лет.

Привлекает внимание вот еще что. Завершая рукопись этой монографии, Т.С. Пассек еще не знала о книге Г. Шмидта, посвященной Кукутенскому поселению и вышедшей в 1932 году. Книга эта для исследователей Кукутень-Триполья принципиальная. Но, построенная также на формально-типологическом анализе стиливых орнаментальных мотивов керамики, схема, предложенная Г. Шмидтом, распространялась лишь на средние этапы развития этих культур. Только спустя 10-20 лет, когда к этой схеме были постепенно приобщены материалы и ранних, и

поздних периодов, она стала, тем самым, базовой для периодизации памятников Румынии. Но тогда, в самом начале 30-х, Т.С. Пассек еще не знала об этой работе. Так что ее первенство, лидерство в разработке периодизации, а точнее, я бы сказал, пространственно-временной структуры Триполья неоспоримо. Впрочем, никто ведь и не оспаривал.

Итак, начало 30-х... Рукопись, защита, а вскоре и опубликованная монография. Признание, репутация, вес! И было ей в ту пору тоже около тридцати. И вот тут-то, словно переродившись, собственно, и начинает Т.С. Пассек путешествие в страну Триполиану. Еще пишутся и редактируются статьи по русскому фольклору (1932), по чувашской этнографии (1935), по раскопкам на разных новостройках страны (с О.Н. Бадером – 1935) и Московского метрополитена (1935), о золоте Кавказа (с А.А. Иессеном – 1935) и др. Но все эти и другие статьи по нетрипольской тематике – последние.

С 1934 года Т.С. Пассек полностью переключается на вновь открытую ею же Триполиану. А переориентировавшись, продолжает свое путешествие по этой, малоизвестной стране, которое длилось до самых последних дней ее – до тяжелой болезни, до небытия. А предстояло Т.С. Пассек идти почти столько же – почти ровно 34 весен и зим. И были годы эти периодом расцвета ее физических и творческих сил.

Полагаю, что Т.С. Пассек была удовлетворена сполна. Ведь она покорила всех – официальные инстанции, удостоившие ее Орденом Ленина и различными медалями; коллег по науке – и отечественных, и зарубежных; она получила всеобщее признание, стала маяком, репером, эталоном и непререкаемым авторитетом.

Думаю, что временами она была счастлива. Счастлива в мгновениях непрерывно следовавших друг за другом открытий новых памятников, новых периодов, вереницы неизведанных культур неолита Юго-Запада тогдашнего СССР; в мгновениях непрекращающихся разъездов по организации и проведению ежегодных (за исключением 4 военных лет) археологических раскопок то на Украине – в Среднем Поднепровье, на Южном Буге, в Среднем Поднестровье, в Подунавье – на Одессчине, то в Молдавии, маленькой Молдавии, но и на севере, и в центре, и на юге; в минутах редких отвлечений и осознания успешно сделанного доклада или выступления на бесконечных обязательных, по-видимому, выступлениях и на годичных сессиях и Пленарных заседаниях и АН СССР, и АН УССР, и Молдавского филиала (позже – АН МССР), и на заседаниях Института Археологии в Москве, и Института Археоло-

¹ Кстати, на память, возможно, ошибаюсь, но среди множества историографических работ, посвященных истории теоретических основ советской или ныне – российской, украинской археологии мне что-то не припоминается, чтобы кто-либо из авторов обратил бы внимание на данное обстоятельство в этой ранней работе Т.С. Пассек.

гии в Киеве, и Института Истории в Кишиневе, и на всесоюзных, республиканских разно-тематических конференциях-симпозиумах, и на международных совещаниях и конгрессах то в Праге, то в Бухаресте, то в Риме; наконец, в тех редких интимных мгновениях, по-видимому, кругосветных ночей, когда, анализирувались, осмысливались материалы свои и иные, когда составлялись, вычитывались, редактировались страницы-метры-километры рукописей своих собственных статей, отчетов, докладов, монографий, популярных статей и книг, или других авторов – на рецензию, на отзыв, в качестве ответственного редактора (с 1947 г. и до конца) журнала КСИИМК и КСИА, в качестве более или менее почетного, но всегда работающего редактора многочисленных монографий, сборников, издаваемых что в московско-ленинградских, что украинских или молдавских учреждениях..., по-видимому, надеюсь, иногда, изредка, она, Т.С. Пассек, была при этом счастлива за себя, за других, за Триполье, за Археологию...

Да простит меня читатель за такое предложение, но, уверяю, что и оно не вбирает в себя всего содеянного за этот короткий, но невероятно насыщенный делами и событиями, результатами 34-летний период жизни Т.С. Пассек. Период, которого по делам, событиям, результатам хватило бы на несколько самостоятельных жизней.

Весь этот период жизни и творчества Т.С. Пассек отчетливо распадается на два этапа, два подпериода: с 1934 по 1947 гг. и с 1947 г. до самых последних дней. Первый связан с Украиной и с деятельностью руководимой ею Трипольской археологической экспедиции. Второй этап – это Украина, но, главным образом, наша Молдавия, и связан он с деятельностью той же бессменно руководимой Т.С. Пассек Трипольской, а с 1952 г. – Молдавской археологической экспедицией ИИМК, позже ИА АН СССР, действовавшей с Молдавским филиалом АН СССР, а с 1960 г. – АН МССР.

1947 год – год переходный. Но это был не обычный, простой переход. Все, все в стиле Т.С. Пассек. Это была и точка, и точка с запятой, и многоточие. В апреле (24) защита докторской диссертации (той самой – «Периодизация...»), где-то в июле-августе – последние раскопки поселения Владимировка в Побужье и сразу же, вслед, без передышки, первый заезд в Молдавию, где тут же осваиваются незначительные, правда, коллекции материалов из разных собраний, и тут же – первые разведки, первые раскопки-шурфовки в трех разных районах республики, и также, если не ошибаюсь, ознакомительная поездка по Черновицкой области.

Чувствуете? Ритмы, темпы, энергия!

Полагаю, украинские коллеги лучше моего знают содеянное Т.С. Пассек и руководимой ею экспедицией на первом из этих этапов... не претендую. Отмечу лишь главное, видимое как бы со стороны. Полное обследование всех ранее известных и открытие десятков новых памятников Триполья и в Поднепровье, и в Побужье – везде: на Киевщине, на Житомирщине, на Уманьщине и Одесщине... везде. Но то, что сотворила Т.С. Пассек на поселениях Коломийщина I, Коломийщина II, во Владимировке, превосходит, точнее, перекрывает все остальное. Ибо именно там, на этих поселениях, Татьяна Сергеевна отработала свою собственную полевую методику, методику, требующую полного вскрытия комплекса независимо от его характера и размеров, максимально полного обследования памятника со всеми его составляющими.

Благодаря этой методике и тщательности исследования, Триполье полностью раскрыло перед Т.С. Пассек и специфику планировки своих поселений, и своеобразие домостроительства, и их структуру – экстерьер, интерьер, уклад, хозяйство и пр. Планы и реконструкции Коломийщины I-II вошли в качестве наглядных иллюстраций во все учебники, во все мало-мальски значимые работы по археологии и истории первобытного общества что СССР, что в Европе в целом.

Предложенная и продемонстрированная на примерах Коломийщины I-II во Владимировке полевая методика Т.С. Пассек содействовала росту престижа тогдашней советской археологии. Вспомним оценки Г. Чайлда, впечатления А.М. Тальгрена и многих других западных специалистов того и последующего времени. Эта методика, ее принципы стали эталоном, а затем и строго обязательными для всех советских археологов, и триполеведов, и нетриполеведов.

А что касается самого Триполья, то, благодаря работам Т.С. Пассек этого плана, окончательно отошли в прошлое мифы об этом феномене. Трипольская культура обрела плоть, обрела реальное, вполне осязаемое естество.

Археологи, которым за 60, я уверен, прекрасно помнят и все эти разработки, и итоговые работы Т.С. Пассек на этом этапе жизни. Это и известный коллективный труд «Трипольская культура», Том I (Київ, 1940), и научно-популярная, ныне практически забытая, книга на украинском языке с тем же названием (Київ, 1941), и, разумеется, объемная монография «Периодизация...». На них, на этих работах, учились методике, осваивали мир древнеземледельческих цивилизаций, на них воспитывались первые по-

коления послевоенных археологов.

И вкратце о «Периодизации...», капитальном итоговом труде Т.С. Пассек, поставившем точку на весь первый этап ее трипольведения. Работа писалась в годы войны и была завершена в 1946 г., защищена в 1947 и опубликована в 1949 г. Работа обеспечила Т.С. Пассек редкое по тем временам звание доктора исторических наук, а чуть позже – Орден Ленина и Трудового Красного Знамени.

Чтобы оценить эту работу, надо хотя бы в общих чертах напомнить о состоянии археологии как применительно к Восточной, так и относительно Юго-Восточной Европы – эпицентру и основному ареалу древнего земледелия.

Все хорошо знают, что 20-40 годы для всех государств отмеченных регионов – это время становления современной археологии: интенсивные раскопки, отработка методики – полевой, аналитической, время первых интерпретаций. И именно тогда, в период между двумя мировыми войнами, были открыты и проведены первые относительно крупные работы в Винче, Караново, Видре, Боян, Гумельнице, Криводоле и Сэлкуце, чуть раньше – в Кукутень, давшим впоследствии название большинству культур неолита Карпато-Подунавья и Балкан. Но представьте себе поселения Сэлкуца, Винча, Караново – 2-3, 4-6-7 метров культурных напластований, и все это раскапывалось тогда в лучшем случае, траншеями, а чаще всего – узкими многоступенчатыми колодцами, и все это без учета стратиграфии, без фиксации глубин и пр. Вы, археолог, вообразите себе это...

Единичность раскопанных памятников при многообразии и территориальной «плотности» культурных явлений, естественно, не могла привести ни к сколько-нибудь ясному осознанию каждой из культур в отдельности, ни к определению их хронологического, пространственного и тем паче – генетического соотношения.

В общих чертах сходной была ситуация и применительно к степной полосе и значительной части лесостепной зоны Восточной Европы от Днестра до Северного Кавказа и Южного Приуралья. Здесь, несмотря на многие открытия (Мариуполь, Нальчик, памятники, выделенные впоследствии в Среднедонецкую, Бугскую или иные культуры) и попытки по осмыслению культурно-хронологической и исторической ситуации (Круглов, Подгаецкий 1935; Иессен, Деген-Ковалевский 1935; Иессен 1941 и многие др.), общие представления о развитии этой обширной зоны, по сути, оставались на уровне взглядов В.А. Городцова, изложенных им в статье «Бронзовый век на территории СССР» в 7-м томе Первого издания БСЭ

(1927: 604 и след.).

Общая оценка состояния знаний об археологической систематике на середину-конец 40-х годов применительно к обозначенным зонам лучше всего отражена в заключении к 5-му изданию переведенной на русский язык известной книги Г. Чайлда: «Все данные настолько неполны, что отдельные кусочки мозаики можно комбинировать в виде разных узоров. Часто бывает трудно установить, к какой мозаике относится тот или иной фрагмент. В результате переключившись отдельные кусочки из этой мозаики в другую, узоры совершенно изменяются, и общая картина становится совершенно иной» (1952: 446). Сходную оценку можно найти и в вышедшей после войны обобщающей книге А.Я. Брюсова (1952: 211, 253).

Возьмите в руки и перелистайте «Периодизацию...» Т.С. Пассек. Это не просто обобщение раскопанных ею памятников. Собрав по крупице все доступные материалы, а также недоступные еще до войны данные о памятниках, раскопанных польскими археологами на Верхнем и отчасти Среднем Днестре, о памятниках Бессарабии и собственно румынского Прикарпатья, Т.С. Пассек представила культуру Триполье-Кукутень целиком, что называется, оптом и в розницу: во всех ее пространственных, временных и сущностных проявлениях. После корректировки собственных прежних разработок были окончательно определены и охарактеризованы основные структурно-хронологические периоды и их территориальные параметры, их содержание – от Карпат до Днепра, от моря до Подолья и Волыни. Детали, думаю, излишни.

Прошло более 60-ти лет, и, несмотря на все последующие дополнения и уточнения, изложенные в этой монографии разработки Т.С. Пассек представляют базовые знания по трипольведению, а сама схема принята, работает, и, значит, – верна. Единственное слабое звено – вопросы происхождения культуры, которые не совсем отчетливы и не совсем ясны. Но именно эта проблема побуждала, вела Т.С. Пассек к Бессарабии, к доступной уже для исследования Молдавии, ибо и интуиция, и анализ определенно подсказывали ей, что решение проблемы здесь, у нас, в Молдавии. И она пришла, приехала, и вскоре она ее решит.

А для разрядки чуточку личного.² Впервые я ознакомился с работой «Периодизация...» в том самом, уже упомянутом 1961-м. Был я тогда на уровне семиклассника плюс диплом Техникума советской торговли по специальности

² Трудно ведь взирать на Монумент, не отметившись на пьедестале.

техник-технолог общественного питания, а проще говоря – повар. Но к концу года уже прошел всю вереницу возможных молдавских археологических экспедиций того сезона.³ А среди них была и трипольская Варваровка IX, и Сороки-Трифэуцкий лес, и много-много рассказов и разговоров о Т.С. Пассек. Я выпросил у В.И. Маркевича ее книгу и настроился полностью ее проштудировать... Сломался, не сразу, но быстро. Шокировали горизонты. Пространственные и временные протяженности. Окончательно сломался на конспектировании описания керамики. Но муки не прошли даром. Под впечатлением прочитанного тут же написал первую в моей жизни «археологическую» статью. Тема – «Из истории древней посуды», в которой на примере трипольской керамики пытался рассказать о пифосах-хранилищах, о дуршлагах и сковородках. Статью с соответствующими яркими иллюстрациями я послал в... редакцию издававшегося тогда в Москве журнала «Советская торговля». Спустя один-два месяца получил из редакции письмо. Статья понравилась, но для порядка ее отправили на рецензию в Институт археологии АН СССР. И – все. Статью эту опубликовали в местной газете «Вечерний Кишинев». А о судьбе «московской» рукописи спустя 10-12 лет мне рассказала Е.К. Черныш. Статья попала к Т.С. Пассек, которая, понятно, передала ее на рецензию своей помощнице – Е.К. Черныш. И – все. Вот она – жизнь, наука. А все из-за «Периодизации...».

Итак, молдавский этап. Как уже отмечалось, приехала Т.С. Пассек в Молдавию в 1947 году. Что представляла собой тогдашняя Молдавия в археологическом отношении или, шире, – с точки зрения пре- и протоистории? Опять-таки использованное выше «гип» – н и ч е г о. Достаточно взглянуть в первое специальное (концептуальное – для высшей партийной школы) издание Истории Молдавии, вышедшей в 1947 г., в котором разделы ранней истории были написаны Т.А. Тихановой. Всем известные ныне Бессарабский клад⁴ и Петрены, опубликованные Э.Р. Штерном; пару десятков палеолитических и столько же кукутень-трипольских «точек» на севере в Попрутье, открытых и слегка изученных Н. Морошану и Ч. Амбражевичем; было еще с десятков мало кому известных курганов, раскопанных на юге еще А. Уваровым, Ф.И. Кнауэром или Д.Я. Самоквасовым – и, по-

жалуй, все.

Полная неизвестность истории республики требовала немедленной организации широкомасштабных археологических исследований края.⁵ Но не было специалистов. После ряда высочайших постановлений эти работы были начаты уже в 1946 году специалистами, присланными из Киева. Были проведены первые раскопки Выхватинской раннепалеолитической стоянки (общее руководство П.П. Ефименко, исполнители – А.П. Черныш, М.В. Воеводский), первые раскопки средневекового города Старый Орех (Г.Д. Смирнов), первые профессиональные раскопки кургана на р. Когыльник⁶ (Т.Г. Оболдуева). Именно материалы этого 1946 года легли в основу характеристики и иллюстрации первого, на этот раз публичного, рассчитанного на всех, издания «Истории Молдавии», появившегося в 1954 г. под редакцией А.Д. Удальцова и А.В. Черепнина.

После первых рекогносцировочных обследований в Молдавии в 1947 году Трипольская экспедиция, руководимая Т.С. Пассек, начинает свои систематические работы на Среднем Днестре, т.е. на территории украинского течения этой реки с частичным охватом и северных районов Молдавии.

С 1948 по 1953 годы работы экспедиции Т.С. Пассек сосредоточены преимущественно в Черновицкой области от Хотина до Сокирян и отчасти до Резины и Дубоссар в Молдавии.

1952 год – год организации Молдавской (трипольской) археологической экспедиции ИИМК, затем и ИА АН СССР, работы которой почти полностью перемещаются на территорию Молдавии; продолжались, однако, раскопки и на Украине.

На первом этапе – в украинском Поднестровье – в задачи Трипольской экспедиции входило исследование всего «пакета» археологических памятников от палеолита до скифского времени. Палеолит обеспечивался А.П. Чернышом, ранний железный век и скифский период – А.И. Мелюковой. Научные интересы Т.С. Пассек предопределялись проблемой генезиса Триполья и, соответственно, были ориентированы на открытие и исследование всех возможных культур неолита и энеолита. Ее бессменными помощниками на протяжении всего периода работ Трипольской молдавской экспедиции стали Е.К. Черныш и Т.Г. Мовша. Вот стандартный

³ Из-за обязательного после учебы распределения я не мог уволиться из родной столовой-кафе. Поэтому, попросту обжевав весной, я прошел все экспедиции, опасаясь ожидаемого наказания по возвращении. Обошлось – дефицит кадров.

⁴ Напомню, что с 1940 года причерноморская полоса Дунай-Днестровского междуречья была включена в состав Украины.

⁵ Ныне, после 60-летних исследований, независимая Молдова вот уже 11 лет живет без собственной «Истории». В школах и вузах ныне изучается... «История румын».

⁶ Тот самый курган, через обсуждение которого Т.Г. Оболдуева морально поддерживала находящегося в дальнем «небытие» Б.А. Латынина.

Фото. 1. Открытие румыно-советского семинара (1958 г.). Слева направо – Т.С. Пассек, Р. Вулпе, Я.С. Гроссул – президент АН Молдавии (тогда молд. филиала АИСССР); за цветами – М. Петреску-Дымбовица; крайний справа – Е. Комша. (Из личной коллекции М. Петреску-Дымбовица).

сценарий действий экспедиций Т.С. Пассек как на Украине, так и в Молдавии, очевидно, отработанный еще в 30-е годы:

- предварительное изучение всей довоенной литературы о памятниках, исследованных или польскими или румынскими археологами или любителями-краеведами;
- изучение всех возможных коллекций во всех мало-мальски значимых музейных или иных собраниях;
- натурное обследование уже известных ранее памятников, зачастую с весьма значительными шурфовками;
- сплошные собственные разведки экспедиции с шурфовками многих из памятников;
- отбор памятников, наиболее важных для решения поставленных задач, и их стационарные, порой многолетние исследования.

Систематические исследования направлены, в первую очередь, на раннетрипольские памятники, на памятники, содержащие несколько культурных слоев, в особенности неолитические и энеолитические материалы, на исследование неизвестных могильников и любых еще неизвестных культур.

И так везде и всюду: и в украинском, и в молдавском Поднестровье, и на Реуте, и Пруто-Подунавье.

С 1952 г., с организацией Молдавской экспедиции, на Т.С. Пассек фактически возлагается полная ответственность за все проводимые на территории Молдавии археологические работы что приезжих, что единичных еще местных специалистов, и при этом еще продолжают работы на Украине.

Ежегодно в составе Молдавской экспедиции действовало 4-5 самостоятельных отрядов, зачастую распадавшихся на отдельные группы, работавших когда одновременно, когда последовательно. Вот документальный состав экс-

педиции за 1955 год:

1. Первобытный отряд – собственно Триполье – нач.отряда Т.С. Пассек, Е.К. Черныш;
2. Отряд предскифской и скифской археологии – начальник А.И. Мелюкова;
3. Раннеславянский отряд (черняхово и пр.) – начальник Э.А. Рикман;
4. Отряд славяно-русской археологии – начальник Г.Б. Федоров;
5. Отряд молдавской средневековой археологии – начальник Г.Д. Смирнов.

А в иные годы был еще Палеолитической отряд – А.П. Черныш, Трипольский отряд С.Н. Бибикова (Журы, Попенки) и многие другие, менее значительные. И каждый год, и каждым отрядом – десятки, а порой и сотни вновь открытых памятников, десятки – прошурфованы и 2-3, на которых велись обстоятельные раскопки от палеолита до позднего средневековья. И все-все это на ответственность одной Т.С. Пассек. Конечно же, каждый из отрядов действовал самостоятельно. Но их надо было скоординировать, развезти-привезти, отправить людей, коллекции; обеспечить специалистами, материалами, препаратами... А по окончании сезона – обработка коллекций, отчетность финансовая, научная. И вся эта организационно-бюрократическая махина главным образом на плечах Т.С. Пассек. А время в Молдавии? Время-то было какое? Памятный страшный голод 1946-1947 и отчасти 1948 гг., массовые депортации, закончившиеся лишь к началу 50-х, коллективизация, тотальная нищета и растерянность.

И на фоне всего этого непрерывные пешеходные маршруты под знойными лучами южного солнца, многочасовая расчистка площадок, землянок, погребений в полусогнутом, да на корточках, на карачках... И только на закате дня, когда виноград и вино, да тишь запоздало-

го костра под небосводом уходящего лета, позабыть, полежать, помечтать о себе, о других, о будущем. Было... было...

Между прочим, а знаете ли вы, что такое трипольская площадка? Вот что написал по этому поводу в начале прошлого века А.А. Спицын: «Должен сознаться, что более трудной археологической работы, чем раскопки памятников “Триполья”, мне не приходилось производить». Добавлю: трипольская площадка – это своего рода многослойный пирог этак под 80-100, а часто и более квадратных метров при толщине 20-40 см, из растрескавшихся бловок-кусков обожженной глиняной обмазки от пола и обвалившихся стен, перегородок, потолков (!). И все это вперемешку с невероятным количеством керамики и всего того, что называют культурными остатками. А где-то там внизу, под развалами, остатки печей, культовых площадок, раздавленные, битые сосуды, статуэтки... И чтобы разобраться в этом, десятки зачисток на боку, на заду, на цыпочках. Затем зафиксировать, разобрать, зарисовать вплоть до отпечатков жердей на обмазке. И в итоге – центнеры, тонны материалов, и все это вымыть, протравить (да так, чтобы роспись не потерять), отреставрировать, описать и зашифровать.

Так вот, о материалах-коллекциях и отчетах трипольских экспедиций Т.С. Пассек. Следуя своим научным интересам, за 30 с лишним лет мне неоднократно приходилось проверять открытые и исследованные этими экспедициями памятники. Многократно обращался, да и ныне обращаюсь к многотомным отчетам. Выверял, считал, рисовал материалы многих-многих памятников и в многочисленных музейных собраниях, и в подвалах-чердаках хранилищах и в Молдавии, и на Украине (областях), и в особенности в Киеве, Москве, Ленинграде-Петербурге. Отмечу – полевые отчеты, разумеется, составлялись начальниками отрядов, посмотрите в архивах – все они редактированы рукой Т.С. Пассек. Ею писались лишь отдельные блоки – когда вводные, когда заключительные, а иногда и описательные. Ею лично составлялись все краткие сводные отчеты, вобравшие данные о каждом и всех отрядах и всегда с указанием авторов поотрядных отчетов. Что же касается содержания, то подробно или коротко, но всегда достаточно о главном, характерном, особенном; непременно точно и в деталях и в важном; всегда с разнообразными зоо- или антропо- и иными определениями. Всегда с обстоятельными альбомами – планы, графические и фото иллюстрации; панорамы, комплексы, детали и материалы, и реже – коллекционные описи. А сами коллекции материалов,

огромные, невообразимые – как из разведок, так и из раскопок – все вымыто, зашифровано и почти все реставрировано.

Я не намерен идеализировать Т.С. Пассек – возраст-то уже не молодой. Знаю, были и еще есть и немые, необработанные коллекции (Флорешты 1961, 1962). Трудно судить – почему. Возможно, это и есть те исключения, которые подтверждают правило.

Об обеспеченности экспедиции специалистами. Не о специалистах-археологах. Здесь – просто. По отчетам, работам создается впечатление, что в экспедиции Т.С. Пассек участвовали, бывали, «отметились» все титулованные в то время и в особенности те, кто стали таковыми лишь впоследствии. Речь не о них, а о тех, сотрудничество с которыми выдает глубину и горизонты Т.С. Пассек в необходимой ей разносторонней информации для размышлений, обобщений. Речь идет о специалистах так называемых вспомогательных дисциплин, сотрудничество с которыми для Т.С. Пассек было обязательным во всех возможных спектрах; по тем временам – явление редкое. Причем почти всегда с непосредственным участием в раскопках. Привожу краткий, неполный перечень: палеозоология (В.И. Бибикина, В.И. Цалкин), палеоантропология (М.А. Герасимов, Г.Ф. Дебец, В.С. Великанова), ботаника (В.А. Петров, З.В. Янушевич), ихтиология (В.Д. Лебедев), геология, палеогеография, петрология, спектрография и металлография. А сколько было обращений в лаборатории Московского института стали им. И.В. Сталина, в криминалистические лаборатории, обращения, вызвавшие серию экспериментов для определения маленького фрагмента обугленной нити (см.: КСИИМК, 37, 1951: 45, 54-57). И еще знаю, слышал – не Т.С. Пассек ли настраивала, содействовала привлечению в археологию Е.К. Черных, Н.В. Рындиной. Именно она, Т.С. Пассек, убедила в 60-х годах З.В. Янушевич (ученица Н.И. Вавилова), успешно занимающуюся выведением твердых (для долгого хранения) каратинных желтых помидор (из рассказа ученицы Н.Н. Кузминовой), всерьез заняться палеоботаникой. Впоследствии З.Я. Янушевич создала свою школу палеоботанических исследований. В этом плане создается впечатление, что лишь К.В. Шишкин слегка запоздал со своим открытием, а то, уверен, Т.С. Пассек незамедлительно организовала бы аэроэкспедицию, дабы разглядеть, воспринять неизвестные еще при ней поселения-гиганты Уманьщины.

Нельзя понять Т.С. Пассек, не проследив динамику постоянно изменяющихся научных интересов и ее быструю незамедлительную

реакцию на происходящее в Триполье того времени. Эти изменения отчетливо просматриваются и в нацеленности полевых исследований экспедиции, и по потоку непрерывно параллельно публикуемых работ. Вот лишь несколько штрихов.

Вступив в конце 40-х годов в Поднестровье и Молдавию, как уже отмечалось, Т.С. Пассек была полностью нацелена на решение проблемы генезиса культуры. Соответственно, все полевые работы сосредоточены на розыске и раскопках раннетрипольских памятников. За три-четыре года открываются порядка 40 таких объектов. Стационарным раскопкам подвергаются поселения Берново-Лука, Ленковцы⁷ на Украине, Солончены I, Солончены II, Голерканы в Молдавии. Десятки памятников прошурфовано. В 1954 г. В.И. Маркевич открывает и сообщает Т.С. Пассек о первом самом раннем трипольском поселении с бояноидными чертами – Флорешты. Все идет по плану, и нельзя отвлекаться.

Но... В конце 40 – начале 50-х годов в Киевском Поднепровье исследуется ряд необычных могильников (Софиевка, Чернин, Красный Хутор). Подобно ранее исследованному поселению в Городске или в Усатово близ Одессы, все эти комплексы, представляя периферийные районы трипольского ареала, обнаружили материалы, достаточно отдаленные от классических трипольских образцов. Не ведая об открытиях Т.С. Пассек в Поднестровье, ряд авторов (В.Н. Даниленко, Е.Ф. Лагодовская и др.) высказываются за то, что все эти отдаленные группы памятников представляют самостоятельные культуры, генетически не связанные с Трипольем. Идею подхватывают маститые авторитеты Т. Сулимирский (1950), А.Я. Брюсов (1952), В. Думитреску (1954). Детище Т.С. Пассек – монолитное Триполье – буквально рассыпается на глазах.

Реакция Т.С. Пассек была незамедлительной. Собрав все, еще немногие, но яркие позднетрипольские материалы Среднего Поднестровья, зная и румынские, и украинские источники, Т.С. Пассек выступает со статьей, аргументируя особенности финальных этапов культуры, и тут же отчетливо очерчивает основные ее локальные варианты (Изв. Молд. филиала АН СССР, №5(25), 1955). Дискуссии были исчерпаны. Предложенная в этой работе схема локальных вариантов позднего Триполья сохранила свое значение до 70-80 гг., получив более детальное развитие в работах Т.Г. Мовши,

⁷ Поселение Ленковцы копалось экспедицией, организованной ИА УССР, но начальником был сотрудник руководимой Т.С. Пассек Трипольской экспедиции Е.К. Черныш.

В.Г. Збеновича и др.

Другой случай. В 1955-1958 гг. – первые крупные раскопки того самого поселения у Флорешт, давшего неизвестные до того самые ранние для Триполья Молдавии и Украины материалы с бояноидными чертами. Счастью Т.С. Пассек, по-видимому, не было предела. Посмотрите названия первых статей об этом памятнике – «Новые открытия... в СССР» (1957, 1958 и многие другие).⁸ Тут же проводятся дополнительные полевые исследования (1958-1959 гг.) – открывается и шурфуются ряд новых подобных памятников (Путинешты, Маркулешты, Рогожаны и пр.). Материалы набраны, осмыслены... В принципе, генезис культуры Триполье ясен. Выступления на Всесоюзных и международных совещаниях, конгрессах, итоговые публикации.

Но, опять-таки – но. Первые же годы раскопок во Флорештах обнаружили, что, помимо Боян, поселение дает в нижнем, подстилающем слое материалы культуры линейно-ленточной керамики (далее КЛЛК). Эта культура была тогда известна лишь севернее, в украинском Поднестровье, по раскопкам еще польских археологов. В довоенные годы эта культура (Дунайская – по Г. Чайлду) практически однозначно рассматривалась в качестве генетической подосновы всех культур энеолита и Подунавья, и к востоку от Карпат. И именно поэтому в 1951, 1953-1957 гг. Е.К. Черныш интенсивно исследует поселение Незвиско. Но на этом памятнике слои КЛЛК подстилают слои с материалами среднего Триполья. Временной разрыв не давал ответа на главный интересовавший Т.С. Пассек вопрос о генезисе Триполья. Иное дело Флорешты. Но перед ней явно возник вопрос-проблема: если Боян – основа Триполья, то какова в этом процессе роль предшествующей ей по стратиграфии Флорешт КЛЛК? И вообще, что это такое?

Действия Т.С. Пассек: в 1958-1961 гг. расширяются площади по исследованию КЛЛК во Флорештах, активизируются поиски и исследования новых памятников и в Молдавии, и в украинском Поднестровье. За три года – порядка 20 новых памятников КЛЛК; раскапываются, шурфуются поселения Цыра, Торское, Гура Ка-

⁸ В этих первых публикациях поселение Флорешты было атрибутировано культурой Боян, известной для Нижнего Подунавья. Дело в том, что Т.С. Пассек опережала разработки румынских специалистов. Еще не были выделены памятники периода Прекукутень I, известные только в верховьях Олта и в Нижнем Посеретье, отражающие начальный этап зарождения культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье. Но то, что культура Боян – основа сложения Кукутень-Триполья, верно и общепризнано.

⁹ В сводной работе Т.С. Пассек не учтен ряд памятников из разведок В.И. Маркевича 1962 г, выполненных по просьбе

Фото. 2. Экскурсия семинара (1958 г.) в Белгород-Днестровский. Т.С. Пасек на берегу Днестровского лимана. (Из личной коллекции М. Петреску-Дымбовица).

менчей, Новые Русешты и др.⁹ Изучение литературы, осмысление накопленных материалов – 1963 год – Т.С. Пасек, Е.К. Черныш – свод памятников КЛЛК на территории СССР (САИ, Б1-11). Все ясно? Добавлю – до недавней монографии О.В. Лариной (1999) этот Свод был основным источником по культуре КЛЛК юго-запада Восточной Европы.

И последний штрих к этой теме. К началу 60-х годов для Т.С. Пасек, с учетом последних исследований румынских археологов, общая картина истоков и региона зарождения Триполья в общем была ясна. Непонятными оставались возможные южные границы этого региона, т.е. юг Молдавии. И вдруг – Карбунский клад (1961), раскопки в Новых Русештах I – масса гумельницких черепков в раннетрипольском слое.¹⁰

Т.С. Пасек все воспринимает... Продолжает еще раскопки на севере Молдавии, но уже в 1961-1962 гг. ведутся интенсивные разведки по югу Молдавии и в Подунавье. Результаты известны – открытие культуры Гумельница. И все полевые экспедиции тут же переориентируются, сосредотачиваются на раскопках этих памятников (Болград, Озерное, Вулканешты). И вновь замелькало название работ: «Новая культура... СССР», «Новое в истории...». Она успела, оценила и высказалась. Но это были уже последние экспедиции, последние открытия,

Т.С. Пасек южнее Кишинева, которые были ей известны, но которые не вошли в изданный Свод. Я участвовал в этих разведках, и тогда мной было открыто поселение КЛЛК Данчены I. После раскопок с О.В. Лариной это поселение и поселение во Флорештах остаются пока что наиболее полно исследованными памятниками этой культуры для Молдовы, Украины и Румынии.

¹⁰ Данные о раннетрипольском слое опубликованы в КСИА, 123, с.56. К сожалению, огромная коллекция (сотни фрагментов гумельницкой керамики), накопленная за три сезона работы, осталась неопубликованной, потому что, увы, не была обработана (керамика не вымыта, не документирована).

последние работы...

Боюсь, утомил читателя. Однако, ведь воистину – не объять, не охватить.

Позволю себе отметить еще одно обстоятельство. Оно особое, зачастую неосознаваемое многими исследователями, поскольку оно не очевидно, скрыто, в особенности, как это зачастую принято, в археологии, когда проблема историографии сводится лишь к простому хронометрированию: год раскопа, год публикации материалов, высказываний и – все. Речь идет о той самой цепной реакции (импульс – следствие – следствие) процесса познания, когда одно важное открытие неминуемо ведет за собой другое, а последнее – третье и т.д. Причем, чем длиннее эта цепочка, тем выше уровень, и вместе с тем, тем слабее осознается первичный исходный импульс или открытие. Есть в этом отношении кое-что поучительное и на примере Т.С. Пасек.

Состояние археологической систематики нео-энеолита на конец Второй мировой войны применительно к Юго-Восточной и югу Восточной Европы мной было отмечено выше. Помните, та самая нестабильная мозаичность в определении Г. Чайлда. Всем, а точнее, многим археологам старшего поколения известны огромные масштабы интенсивных повсеместных раскопок, развернувшихся в первые 10-15 послевоенных лет в Югославии, Венгрии, Болгарии, Румынии и далее на восток по югу СССР, до Кавказа и Волги, т.е. по интересующей нас в данном случае зоне. Широко поддерживаемые правительствами своих государств,¹¹ эти рабо-

¹¹ На мой прямой вопрос, заданный мудрым М. Гарашину, М. Петреску-Дымбовица, возраст которых дает им возможность сравнивать, сопоставлять, оба они, и не только, однозначно ответили, что именно соц. «режим» оказался наиболее благоприятным для развития археологии – и в полевом, и в творческом отношении. А у нас, а у вас?!

Фото. 3. В процессе раскопок ямы №4 на месте неолитического поселения: слева направо – А.П. Черныш, опираясь на бровку; Т.С. Пассек; полусидя – Е.К. Черныш; стоя в профиль – В.С. Титов.

ты сопровождалась не менее интенсивным процессом осмысления как ранее накопленных, так и новых, собранных в этот короткий период, материалов. Благодаря этим работам, тогда, в середине-второй половине 50-х были выработаны основные компоненты общей концепции становления основных этапов и территориальных особенностей культурно-исторического развития общностей нео-энеолита и ранней бронзы на всем протяжении юга Европы от Восточного Средиземноморья до Кавказа и Приуралья. В обобщенном виде составляющие этой новой концепции были освещены в серии аналитических докладов представителей различных стран и регионов, изложенных на состоявшемся в 1959 г. в Праге Международном симпозиуме, посвященном проблемам нео-энеолита Европы (*L'Europe à la fin de l'âge de la pierre* – 1961), в котором участвовали Т.С. Пассек и Н.Я. Мерперт.

Именно тогда, в 50-х, было осознано, что в соответствии с природными условиями Юга Европы уже с самого нео-энеолита, т.е. с появления и постепенного распространения производящих форм хозяйства, вся эта огромная зона отчетливо распадается на два мира: мир древнеземледельческих и мир раннепасторальных культур, каждый со своим своеобразием – обстоятельство, предопределившее впоследствии специфику тысячелетнего развития, с одной стороны, степных культур и общностей юга Восточной Европы и Азии, а с другой – культур и общностей плодородных регионов Карпато-Поднонавья и Балкан. И определенную лепту применительно к крайним северо-восточным регионам древнеземледельческого ареала внесла в эту концепцию, разумеется, Т.С. Пассек.

Но что показательное – все эти разработки

плеяды видных археологов не остались без внимания этнологов-теоретиков. Выявленные на протяжении 50-х годов структурные соотношения археологических реалий вызвали целый поток дискуссий по самым разнообразным вопросам восприятия понятия «археологическая культура», его соотношения с детерминирующими культуру природно-географическими факторами, с этно-социальными или общекультурно-историческими категориями. Эти дискуссии привели к введению в науку о человеке таких принципиальных, на мой взгляд, понятий, как «хозяйственно-культурный тип» или «историко-этнографические области» (Левин, Чебоксаров 1955; Кнабе 1959; Формозов 1959), которые дополнительно и самостоятельно подтвердили выдвинутую археологами концепцию и которые (понятия), в конечном счете, легли в основу классификации культур народов мира в целом (Чебоксаров, Чебоксарова 1971; Решетов 1980; Арутюнов 1982; Першиц 1994 и др.).

Другой момент. Тогда же, в 40-50-х годах, в процессе интенсивных раскопок и осмысления материалов впервые были опознаны и осознаны масштабы и характер взаимных влияний и взаимодействий, с одной стороны, древнеземледельческих культур и общностей преимущественно скотоводческие общности лесостепной и степной Восточной Европы, а с другой стороны, влияния и проникновения, миграции степных скотоводов энеолита-ранней бронзы в глубинные регионы древнеземледельческого ареала – до Балкан, до Среднего Поднавья. Обстоятельство, вызвавшее целое направление в изучении культурных взаимодействий степных, скотоводческих, и древнеземледельческих культур; направление, плодотвор-

но разрабатывающееся в многочисленных работах Н.Я. Мерперта, Т.Г. Мовши, В. Думитреску, М. Гарашанина и многих-многих других археологов.

И, наконец, разве не благодаря разработкам множества видных специалистов, среди которых и Т.С. Пассек, возникла известная концепция М. Гимбутас, которая, буквально «наложив» этнолингвистический аспект на качества и тенденции, обнаруженные археологами-практиками в собственных источниках, предложила свою версию «прародины индоевропейцев» и их роли в преобразовании «Старой Европы». Можно по-разному относиться к концепции М. Гимбутас. Но сам факт, что она – концепция эта – была

принята большинством специалистов и в основе своей была доминирующей на протяжении вот уже более 60 лет, кое о чем говорит.¹²

Подчеркиваю, лично Т.С. Пассек практически не писала по каждому из выделенных здесь моментов. Она разрабатывала «основы» – части целого. Но без этой части не было бы целого, а без последнего не было бы или надолго бы задержалось другое то, что последовало. Ибо цепочка импульс – следствие – следствие – это общий принцип развития любой науки, общий принцип наращивания новых позитивных знаний. И Т.С. Пассек в этом отношении была одним из генераторов этих импульсов... и не только в обозначенном...

Итоги – частные и общие

Основные итоги общей и, в частности, 34-летней полевой деятельности Т.С. Пассек и руководимых ею Трипольско-Молдавских экспедиций я бы свел к трем главным моментам.

1. Отработка принципиально новых полевых методов исследования трипольских и иных памятников: широкими площадями, по комплексам – целиком и, если возможно, – монографически (30-е годы). Методика, как уже отмечалось, ставшая впоследствии обязательной для всей советской археологии и, в частности, многих специалистов Румынии, Болгарии и других стран.

2. Открытие и разработка источниковедческой базы основных и большинства культур древнеземледельческого ареала всего тогдашнего Юго-Запада СССР или, по теперешним временам, – украинского Поднестровья и Подунавья и всей Молдовы.

А среди них – это культура линейно-ленточной керамики; культура раннего (Прекукутенского или памятников с баяноидными чертами), среднего периодов, поселений и могильников (Выхватинцы) позднего периода; культуры Гумельница (группа Болград-Алдень).

При этом нельзя не учитывать, что на руководимые Т.С. Пассек экспедиции приходится первые интенсивные исследования палеолита украинского Поднестровья и Молдавии, выполненных А.П. Черныш, а также исследования (продолжавшиеся до 70-х годов) памятников поздней бронзы и раннего железа, выполненные А.И. Мелюковой; исследования, приведшие к открытию и выделению целой свиты культур и культурных групп: Ноуа, Кишинэу (-Корлэтеня); Голерканы, Сахарна-Солончены, Шолданешты и, конечно же, памятников гетской, скифской и сарматской культур.¹³ Сюда же вполне можно отнести открытия и исследования В.И. Маркевича по Буго-Днестровской культуре, работы которого были инспирированы, постоянно поддерживаны, консультированы Т.С. Пассек.

3. Разработка разделов, связанных с характеристикой, освещением вопросов происхождения, эволюцией и исторической судьбы перечисленных выше культур и неолита юго-запада Восточной Европы в целом. И все это личный творческий вклад Т.С. Пассек.

Из нереализованного

Из того, что знаю точно, документально и, отчасти, по рассказам учеников и соратников Т.С. Пассек.

В разные годы, в разных вариантах и в различном авторском исполнении Т.С. Пассек обсуждала, планировала подготовку следующих самостоятельных несостоявшихся монографических, публикационных и/или обобщающих работ.

- Отдельная книга по раскопкам поселения Поливанов Яр (сначала предполагалась самостоятельная работа – см. МИА 84, с.105; позже – в

соавторстве с Е.К. Черныш и Т.А. Поповой).

- Отдельная монография по исследованиям позднетрипольского могильника у с. Выхва-

¹² Ныне, в последние 10 лет, эта концепция, как известно, находится под сильным «обстрелом». Не знаю, как с лингвистическим аспектом, но что касается археологической части – подождем, обсудим, посмотрим...

¹³ Вынужден предупредить читателя. Ныне, в теперешней Молдове, ряд специалистов как-то избегает упоминать о скифах, сарматах и прочих варварах – «голодранцах». Вы ведь, полагаю, знаете, что мы... молдаване ли (?), но точно – романизированные (не путать с румынизированными) не от них, варваров, и не от цыган, как это А.С. Пушкин вводит в заблуждение, а от самого «Рыма», от Траяна тянемся...

тинцы (в соавторстве с В.С. Титовым).

- Отдельная монография по исследованиям многослойного поселения у Флорешт (в соавторстве с Е.К. Черныш и, возможно, В.С. Титовым).

- Отдельная книга по полной публикации и осмыслению Карбунского клада.

Не знаю о планах Т.С. Пассек относительно последних из открытых и исследованных памятников Гумельницкой культуры – Болградской группы. Но, учитывая их значимость, очевидно,

тоже что-то обсуждалось, планировалось...

Определенно обдумывалась Т.С. Пассек большая обобщающая работа по всему неолиту Юго-Запада СССР, ведь уже обсуждалась, планировалась подготовка и издание 20-томной серии «Археология СССР». Об этом же свидетельствует и один из разделов репетиционного по сути сборника «Каменный век...» (МИА 166). Эта работа, фактически доработанная уже Е.К. Черныш, была последней из работ Т.С. Пассек.

О наследии

Творческое наследие Т.С. Пассек известно и не нуждается в особых комментариях. Это, что называется, альфа и омега триполеведения и не только. Оно было принято, оно стало достоянием и общеевропейской, и советской, и ныне российско-украинско-молдавской науки и культуры.

Что касается материалов, накопленных руководимыми Т.С. Пассек экспедициями, – несметных коллекций по нео-энеолиту, по Триполью и другим культурам, они составляли, остаются и будут составлять исходную и, думаю, во многих отношениях, непревзойденную еще источниковедческую базу по многим разделам археологии и истории, которая, опять-таки, принадлежит всем, невзирая на таможенные и государственные границы, и, тем паче, национальные барьеры.

Прошли очередные 30 с лишним лет. Открыты и исследованы сотни, тысячи новых памятников; защищены, изданы десятки диссертаций и книг-монографий; существенно изменилось видение многих из проблем, впервые поднятых и плодотворно разрабатывавшихся талантом Т.С. Пассек, но думается мне, все эти последовавшие доработки и уточнения – не более чем наряды, бижутерии-аксессуары к статуе «Триполье», статуе, высеченной, нет, теплее надо, вылепленной руками Т.С. Пассек.

Последнее. Было и есть в прежней советской, ныне российской археологии много славных имен. Был и есть В.А. Городцов, который, бла-

годаря своей классификационной схеме, по праву считается Родоначальником изучения степных культур эпохи бронзы, а они, как мы знаем, выходят из энеолита. Был и есть Патриарх степной археологии Н.Я. Мерперт,¹⁴ раскрывший специфику этого степного – патриархального мира.

Но была и есть Т.С. Пассек, разработавшая периодизацию и раскрывшая своеобразие мира древних земледельцев, которая, благодаря этому, заслуживает и титул Родоначальницы, и титул Матери-Афродиты Всея земли матриархальных обществ Юго-Запада Восточной Европы.

Думаю, я не преувеличиваю. Как бы то ни было, независимо от титулатуры о Т.С. Пассек надо помнить, писать и чтения-конференции организовывать. Ибо.., ибо на Памяти о таких Ученых – новые поколения воспитываются...

P.S. Статья эта писалась по просьбе дорогой мне А.И. Мелюковой для памятного номера журнала «Российская археология». Однако редакционная коллегия не сочла возможным включить ее в номер (?). Но я посчитал необходимым все же опубликовать ее, ибо для меня это, может быть, единственный шанс выразить свою сердечную признательность Т.С. Пассек, которая столько мне дала в моих собственных исканиях. Хотя, напоминаю, я ее практически не знал. СВЕТЛАЯ ЕЙ ПАМЯТЬ.

¹⁴ Поклон мой Вам, Николай Яковлевич, уверен, Вы в полном здравии, и голос Ваш по-прежнему бодро и зычно звучит.